

Два марша. 1. Кто у кого?

Два марша. 2. Песенный кругооборот

Два марша. 3. Вопреки ненависти и насмешкам

Два марша. 4. Камрады и товарищи

Авиамарш. 1. Легенды и факты

Авиамарш. 2. Год издания 1923-й (начало)

Авиамарш. 2. Год издания 1923-й (окончание)

Вокруг «Авиамарша». 1. «Aus dem Vergessen» — «Из забвения»

Вокруг «Авиамарша». 2. «Фокс-трот на известный мотив»

Вокруг «Авиамарша». 3. «Hispano-Suiza цвета бирюзы»

Вокруг «Авиамарша». 4. Список Оруэлла

В третьей части статьи «Два марша» мы продолжаем то небольшое «расследование», которое было проведено в двух предыдущих частях, опубликованных ранее. Напомню, что речь идёт о старом-престаром споре относительно приоритета в написании известнейшего у нас «Авиамарша» и гораздо менее известного нацистского марша, по первой строчке именуемого «Herbei zum Kampf...». Оба марша имеют идентичную мелодию (слова, естественно, разные), и нацистский марш, некогда популярный среди штурмовиков СА, загадочным образом вышел из употребления ещё во второй половине 30-х годов, сохранившись, тем не менее, в ряде грамзаписей и в качестве фонограммы в знаменитом фильме *Лени Рифеншталь* «Триумф воли».

Приступив в своё время к изучению этого вопроса, я сразу же обнаружил, что утверждение о безусловной доказанности приоритета советского «Авиамарша», которое содержится в *статье* Рината Булгакова, не выдерживает никакой критики, поскольку *то единственное*, на что ссылается при этом автор, — это мнение нацистского музыковеда Ганса Байера, высказанное им в июне 1939 году в журнале «Die Musik» (где, кстати, «Авиамарш» вообще

даже не упоминается). При этом в стороне оставался целый ряд существенных возражений, которые, в отсутствие прямых доказательств приоритета, ставили под сомнение направление заимствования мелодии от советского марша к нацистскому, а не наоборот. Обо всём этом говорилось в *первой части* нашей статьи, имеющей подзаголовок «Кто у кого?».

Документальные свидетельства, обнаруженные спустя некоторое время после публикации первой части, сделали возможным произвести более или менее точную датировку советского «Авиамарша» периодом не ранее середины 1923 года и не позднее середины 1925 года.

Примечание ноября 2009 года:

В настоящее время со всей определённоностью установлено, что первое издание «Авиамарша» увидело свет весной 1923 года — не ранее 8 марта и не позднее 14 или 15 мая 1923 года. Это издание сохранилось. Есть также не прямые, но очень веские основания полагать, что оно может быть датировано даже более точно: вторая неделя мая 1923 года. Подробности изложены *здесь*.

С учётом того, что ни о какой другой дате появления «Herbei zum Kampf...», кроме 1926 года, никому ничего не известно, это позволило нам высказать предположение о том, каким образом могло происходить взаимопроникновение мелодий обоих маршей. При этом выяснилось, что огромную роль в этом процессе сыграл марш немецких коммунистов под названием «Lied der roten Luftflotte» («Песня красного воздушного флота»). Всему этому была посвящена *вторая часть* нашей статьи, опубликованная с подзаголовком «Песенный кругооборот».

Обе части статьи были встречены нашими читателями с большим интересом и нередко используются в качестве аргументов в тех или иных дискуссиях, причём аргументация обычно ограничивается либо первой частью, либо второй — в зависимости от личных предпочтений. В связи с этим я должен сказать следующее. Вся статья «Два марша», все её части, сознательно представлены в жанре своеобразного «документального детектива», когда всё действие, начавшись, в сущности, с нуля, разворачивается прямо на глазах у читателей. Автор и сам, заканчивая писать одну часть, не имеет ни малейшего представления, к каким выводам он придёт в следующей части — это целиком зависит от того, какие новые документы и свидетельства будут к тому времени в его распоряжении. Этим (но и только этим) статья в «журнале для всех» отличается от статьи научной, когда автор заранее знает, что и где у него там будет, и соответственно расставляет все нужные акценты.

Итак, продолжаем наш «документальный детектив». Часть третья называется — «Вопреки ненависти и насмешкам».

1. «Великий перелёт» 1925 года

Вначале вспомним недавний парад на Красной площади столицы, который состоялся 9 мая 2008 года. Многочисленные телезрители имели тогда возможность наблюдать российскую авиацию, впервые после долгого перерыва демонстрировавшую полёты над Москвой в парадном строю. Вспомним же, как это было. Из динамиков доносятся бодрые звуки «Авиамарша» — давнишнего официального *марша* военно-воздушных сил страны:

00:00 | 01:08

А теперь послушайте звуки совсем другого «парада», который за три четверти века до нашего могли видеть совсем другие зрители и совсем в другом месте. Качество *записи* очень неважное... но просто послушайте и оцените:

Вот такие дела... Откуда эта вторая фонограмма — об этом мы поговорим чуть позже, как и вообще об обоих немецких маршах, а пока что посмотрим, что о датировке *советского* «Авиамарша» нам могут поведать сохранившиеся газетно-журнальные публикации тех далёких лет. Подтверждают ли они тот временной интервал — не ранее мая 1923 года и не позднее мая 1925 года — который был установлен во второй части нашей «расследования»?

Благодаря помощи Любови Владимировны Анисовой, известной нашей певицы, передо мной сейчас лежат ксерокопии нескольких таких публикаций. Вот, например, статья за подписью «Р. Блюменау» из журнала «Цирк и эстрада» (издавался с 1927 по 1930 годы). Статья называется «Советская песня», и опубликована она была в мае 1928 года. Собственно, посвящена статья проблемам становления того явления, которое автор и называет «советской песней». По мнению Р. Блюменау, *«среди громадного количества мусора публика и эстрадники почти не замечают советской песни — а она есть»*. И далее автор приводит несколько весьма любопытных подробностей:

Первая привившаяся в быту советская песня появилась только в 1924 году — это были «Кирпичики»...

«Во время великого перелёта Москва-Монголия-Пекин, — сообщает «Правда» от 18-го июня 1925 года — в 10 километрах от Кургана началась сильная воздушная качка. Закрепляемся ремнями и прикрепляемся к сидению, а пилоту Полякову и мотористу Михееву хоть бы что, поют так громко, что слова песни долетают в кабинку:

«Бросая ввысь свой аппарат послушный
Или творя невиданный полёт,
Мы сознаём, как крепнет наш воздушный,
Наш первый в мире пролетарский флот»...
(«Всё выше»)

Новая песня долетает до облаков, но редко доходит до эстрады...

Давайте осознаем то, что мы сейчас прочитали. Во-первых, Р. Блюменау в мае 1928 года в одном ряду, друг за другом, приводит в качестве примера «советской песни» два произведения: «Кирпичики» и «Всё выше» (то есть «Авиамарш»), причём из этих двух именно о «Кирпичиках» прямо и недвусмысленно сказано: *«Первая привившаяся в быту советская песня появилась только в 1924 году»*. Между прочим, обе песни написаны на слова Павла Германа; в толстом юбилейном сборнике «Русские советские песни (1917—1977)» (составители Н. Крюков и Я. Шведов, М., «Художественная литература», 1977) песня «Кирпичики» («Песня о кирпичном заводе») действительно датирована 1924 годом, а вот «Всё выше» — аж 1931 годом (последнее, как мы уже знаем, является сильным преувеличением).

Таким образом, «Кирпичики» появились в 1924 году, и всего 4 года спустя автор процитированной заметки считает именно эту песню, а вовсе не упоминаемый тут же «Авиамарш», *первой привившейся в быту советской песней*.

Далее. Заметка сама по себе написана в 1928 году, но в ней цитируется гораздо более ранняя статья из газеты «Правда», и вот в той-то статье *закреплен факт исполнения «Авиамарша» в июне 1925 года*.

Перелёт по маршруту Москва-Монголия-Пекин действительно состоялся летом того года. В далёкий путь отправились тогда 6 аэропланов: четыре самолёта отечественного производства (АК-1, Р-2 и два Р-1) и два немецких пассажирских «Юнкерса» (Ю-13). Лётчиком одного из этих «Юнкерсов» (самолёт этот во время перелёта именовался «Правда») был Иван Климентьевич Поляков, а механиком — Иван Васильевич Михеев.

«Юнкерс-13». Именно в таком самолёте Поляков и Михеев в июне 1925 года распевали «Авиамарш»

Старт уникальному по тем временам перелёту длиной в шесть с половиной тысяч километров состоялся 10 июня 1925 года. Лететь предстояло, ориентируясь лишь по карте да по местности. Ни о каких компасах, как и ни о каких парашютах тогда не было и речи. К сожалению, я не располагаю оригиналом той статьи в газете «Правда» и не могу назвать имя её автора, но известно, что оба пассажирских «Юнкерса» были, как говорится, под самую завязку заполнены журналистами, писателями и операторами киносъёмки (например, одним из пассажиров был 25-летний Владимир Адольфович Шнейдеров — впоследствии кинорежиссёр, народный артист России, организатор и первый ведущий сверхпопулярной в 70-е годы телепередачи «Клуб кинопутешествий»; итогом его авиапутешествия летом 1925 года стал фильм под многозначительным названием «Великий перелёт»).

Между прочим, «сильная воздушная качка» под Курганом оказалась далеко не единственным испытанием для «Юнкерса», пилотируемого Поляковым. Буквально перед последним этапом перелёта, при посадке в китайском Ляотане 9 июля 1925 года, многострадальный «Юнкерс» Полякова зацепил колёсами не то забор, не то гребень канавы и был вынужден садиться «на брюхо», и герои упомянутой статьи в «Правде» заканчивали перелёт уже в качестве пассажиров (дальнейшая судьба механика Ивана Михеева сложилась трагически: сам став лётчиком, он погиб в 1935 году во время печально известной катастрофы самолёта-гиганта АНТ-20 «Максим Горький», который во время демонстрационного полёта, имея на борту множество пассажиров, включая и детей, был протаранен истребителем сопровождения).

Но мы очень сильно отвлеклись на историю «великого перелёта» 1925 года, не правда ли? Давайте вернёмся к «Авиамаршу». Очевидно, что процитированная выше заметка Р. Блюменау не только вполне согласуется с той датировкой «Авиамарша», которая была установлена нами ранее, но даже несколько уточняет эту датировку. Действительно, если первой же песней, которая в июне 1925 года, в сложных метеорологических условиях, пришла в голову Полякову и Михееву, была песня «Всё выше», то, ясное дело, *верхнюю границу датировки можно смело уменьшить минимум на полгода*: не по бумажке же, в самом деле, они вовсю распевали тогда эту песню! Что же касается мнения Р. Блюменау о «Кирпичиках», то с определённой долей осторожности можно учесть и его. *Получается, что «Авиамарш» был написан в 1924 году или, в крайнем случае, в самом начале 1925 года.* Для верхней границы этой датировки существуют доказательства прямые, а для нижней — лишь косвенные. Вот такие дела получаются...

Интересно заметить, что примерно к 1930 году популярность «Авиамарша» была уже настолько велика, что в прессе активно обсуждались (и осуждались) попытки эту песню... фактически запретить! Газета «Красная звезда», 10 февраля 1931 года:

... А в это время кое-кто пытается вынудить у Главреперткома запрещение публичного исполнения этого марша. Понадобилось вмешательство в это дело начальника военно-воздушных сил тов. Баранова, чтобы снять клеймо запрета с «Марша авиаторов»...

Музыкальный сектор Госиздата, как это ни странно теперь звучит, вообще прекратил тогда издавать «Авиамарш». А на каком таком основании, любопытно было бы узнать? Вот как об этом в статье «Всё выше, и выше, и выше» писала «Рабочая газета» (27 января 1931 года):

... Специалисты, стоящие во главе этого сектора, точно «установили», что в «Марше авиаторов» явственно проступают следы шансонетки. Не спорим. С точки зрения музыкальной теории следов «бульварной» песни в «Марше авиаторов» может быть не меньше, чем во многих других произведениях, издающихся массовыми тиражами музыкальным сектором ОГИЗ. Но не в этих следах дело...

Музыкальный сектор ОГИЗ объявил «Марш авиаторов» вещью, фактически запрещённой к изданию. Тщетно любой музыкальный кружок в СССР, любой комсомолец будет искать на музыкальном рынке Союза Советских Социалистических Республик излюбленный «Марш авиаторов». Его нет...

Приведённая цитата даёт, отчасти, ответ на один из вопросов, касающихся создания «Авиамарша»: как это Юлий Хайт, известный, прежде всего, своими многочисленными романсами, мог написать столь энергичный марш? Мог. Современники как раз в этом-то не видели никакой проблемы — *«не спорим»*-де.

Разумеется, уже тогда все понимали, что у противников «излюбленных» советских «шансонеток» никаких шансов нет. Как известно, IX съезд комсомола принял шефство над воздушным флотом. В специально принятом по этому поводу обращении «Авиамарш» цитировался *«как прямой боевой призыв»*. Упомянутая выше статья в «Рабочей газете» продолжает:

... *«Марш авиаторов»* *распеваются пролетариями СССР и Западной Европы*. Музыкальный сектор ОГИЗ должен руководствоваться в своей издательской деятельности не личными вкусами, а общей политической целесообразностью...

Действительно, если уж пролетарии Западной Европы всюю распевают... Газета «Правда» оповестила советских трудящихся о том, что «Авиамарш» пели в Берлине во время массовой манифестации 4 мая 1930 года. Это сообщение было затем многократно продублировано и в других советских изданиях. Да вот хотя бы и в «Рабочей газете», в той же самой статье «Всё выше, и выше, и выше» — тоже цитируется сообщение «Правды»:

Революционные демонстрации за рубежом шествуют под звуки боевого «Марша авиаторов». Полицейские в Берлине за исполнение песни избивают дубинками. Безработные, направляющиеся к рейхстагу под звуки этой песни, арестовываются...

Венцом всей этой истории можно считать приказ Реввоенсовета Союза ССР, которым «Авиамарш» объявлялся официальным маршем советских военно-воздушных сил. Произошло это два с половиной года спустя, в августе 1933 года...

То, что пролетарии СССР в 1930 году распевали «Авиамарш», — это мы уже поняли. А вот интересно: что это там под его мелодию распевали в это время пролетарии Западной Европы? Не порусски же, в самом деле, исполняла «Авиамарш» берлинская двухсоттысячная манифестация в мае 1930 года?! А ведь хороший же вопрос! Вот мы напряжённо вслушиваемся в мелодии, разыскиваем брошюры

с ногами и газетные публикации, но *что именно*, собственно говоря, пели когда-то на мотив «Авиамарша» немецкие коммунисты и немецкие же нацисты? И нельзя ли почерпнуть кое-какую информацию о датировке тех маршей, исходя просто из их текстов? Вопрос ведь совершенно естественный, и странно, что он до сих пор как-то мало кому приходил в голову.

А то, что текстологический анализ имеет определённый смысл, мы хорошо знаем на примере нашего «Авиамарша». Именно его текст, среди прочего, дал нам возможность (хоть и косвенным образом) определить нижнюю границу его датировки — я имею в виду упоминаемые в тексте Павла Германа «ультиматум Керзона» и «стальные руки-крылья». Или вот возьмём, например, начальную строку второго куплета: «Бросая ввысь свой *аппарат* послушный...». Словечко «аппарат» применительно к самолётам использовалось с серьёзным видом лишь до середины 20-х годов. Позднее в живой речи оно применялось разве что в ироническом смысле: «Во, Макарыч! принимай аппарат — махнул не глядя...» (из кинофильма «В бой идут одни «старики»).

Итак, взглянем пристальней в тексты теперь уже не советского, а немецких маршей.

2. Как советские пилоты вдруг стали в СССР самыми гонимыми и обижаемыми людьми

Начнём, пожалуй, с текста «коммунистического» марша, который известен под названиями «Lied der roten Luftflotte» («Песня красного воздушного флота») или «Lied der roten Flieger» («Песня красных летчиков»). Именно это произведение, как мы выяснили во *второй части* статьи, и являлось, по всей видимости, связующим звеном между советским и нацистским маршами. Давайте ещё раз послушаем то *исполнение* «Песни красного воздушного флота», которое распространено в Интернете и которое относят к 1930 году. На цветной иллюстрации показан один из ранних советских плакатов, в котором используется тот же самый термин — «красный воздушный флот»:

Запись эта — крайне низкого качества, но никакой другой записи просто нет... Мы прослушали три куплета «Песни красного воздушного флота», вот они (текст приводится согласно песенному сборнику «Das Arbeiterlied», изданному в ГДР в 1980 году):

Wir sind geboren, Taten zu vollbringen,
zu überwinden Raum und Weltenall,
auf Adlers Flügeln uns emporzuschwingen
beim Herzschlag sausender Motoren Schall.

Wir reißen hoch die Riesenapparate,
mit Eisengriff die Hand das Steuer hält.
So kreiset wachend überm Sowjetstaate

die erste rote Luftarmee der Welt.

Ein jeder Atem, jeder unsrer Blicke,
erfüllt ist jede Faser mit Entscheid:
Was man uns für ein Ultimatum schicke,
wir sind zur Antwort jederzeit bereit!

а после каждого из куплетов дважды подряд следует припев. В сущности, из всей песни и запоминается-то один только лишь припев, повторяемый с завидной настойчивостью:

*Drum höher und höher und höher
wir steigen trotz Haß und Hohn.
Ein jeder Propeller singt surrend [das Lied]:
Wir schützen die Sowjetunion.*

Профессор Ринат Булгаков относительно этой песни **ограничивается** следующим замечанием: «*Её текст — фактически подстрочный перевод русскоязычного оригинала*». Но мы не будем верить профессору на слово, а убедимся в этом сами. Слева — текст «Авиамарша», справа — перевод приведённого выше немецкого текста:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор.
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца пламенный мотор.

Мы рождены, чтоб совершать поступки,
Преодолеть пространство и простор.
Чтоб вознести нас на орлиных крыльях,
Под стук сердец работает мотор.

Бросая ввысь свой аппарат послушный
Или творя невиданный полёт,
Мы сознаём, как крепнет флот воздушный,
Наш первый в мире пролетарский флот.

Бросаем ввысь большие аппараты,
Держа штурвал уверенной рукой.
Покой краёв советских охраняет
Наш первый в мире пролетарский флот.

Наш острый взгляд пронзает каждый атом,
Наш каждый нерв решимостью одет.
И верьте нам: на всякий ультиматум
Воздушный флот сумеет дать ответ.

И в каждом вздохе, в каждом нашем взгляде,
И в жилке каждой — только лишь одно:
Какой бы ультиматум ни прислали,
Мы дать ответ готовы всё равно.

Перевод не уныло-подстрочный, а слегка приглаженный: скажем, вместо «первая в мире красная воздушная армия» (термин «воздушная армия» имеет ведь теперь и другой смысл) мы использовали фразу «наш первый в мире пролетарский флот» (собственно, в оригинале то же самое сделал и Павел Герман). Конечно же, это отнюдь не меняет ни смысла этой конкретной фразы, ни общего вывода: все три куплета немецкого коммунистического марша «Lied der roten Luftflotte» представляют собой тщательно выполненный перевод русского текста «Авиамарша» — настолько тщательный, насколько это вообще было возможно. Говоря попросту, немецкий перевод всех трёх куплетов — и по структуре, и по лексике, и по царящему в тексте настрою — это калька с оригинала, это ксерокс. В этом немецком тексте нет ничего самостоятельного, и его единственным предназначением было облегчить «пролетариям Западной Европы» их «распевание» популярной в СССР песни. Перед нами — наш родной «Авиамарш» в его экспортном варианте, и появился этот текст, стало быть, вовсе не в среде немецких пролетариев.

Выходит, профессор в своём замечании был совершенно прав: «*Её текст — фактически подстрочный перевод русскоязычного оригинала*». И нам лишь осталось бросить беглый взгляд на строки назойливо повторяемого в песне припева. Скучно на этом свете, господа... Ну, разве что для очистки совести... Ну, так и быть... давайте посмотрим:

Всё выше, и выше, и выше
Стремим мы полёт наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.

Всё выше, и выше, и выше
Мы поднимаемся вопреки ненависти и насмешкам,
И в каждом пропеллере слышим [песню]:
Мы охраняем Советский Союз!

Стоп! А это ещё что такое?! Кто это взмывает ввысь на своих орлиных крыльях, преодолевая не столько пространство и простор, сколько ненависть и насмешки? Это советские пилоты, что ли?

Любимцы всего советского народа?! Позвольте, товарищи переводчики, а где у Павла Германа, в оригинале, вы разглядели ну хоть какой-нибудь, хотя бы и малейший, намёк на ненависть и насмешки?! Ну и дела...

Но ведь не может же так быть, чтобы коминтерновские переводчики, скрупулёзно и тщательно передав на немецком языке и дух, и букву 15-ти из 16-ти упругих строк «Авиамарша», *всего лишь в одной-единственной строке* позволили себе аж такую отсебятину! Они там что — не смогли перевести фразу «стремим мы полёт наших птиц»? Уже введя чуть выше «орлиные крылья»?.. Поверить в это просто невозможно. Да уж не ошиблись ли мы сами? Смотрим припев снова:

Drum höher und höher und höher
wir steigen trotz Haß und Hohn.
Ein jeder Propeller singt surrend:
Wir schützen die Sowjetunion.

Нет, никакой ошибки: «*Wir steigen trotz Haß und Hohn*» — «Мы поднимаемся (растём, выходим и тому подобное), несмотря на ненависть (вражду) и насмешки (издёвку, глумление, издевательство)». И рифма вроде бы на месте: «*trotz Haß und Hohn*» — «*die Sowjetunion*»...

Рифма, конечно, дело хорошее, но вывод из всего вышесказанного следует всё же неумолимый: строка «*wir steigen trotz Haß und Hohn*» никак не могла появиться в первоначальном, коминтерновском, переводе «Авиамарша» — она не согласуется с остальными его строками ни лексически, ни интонационно. Следовательно, для марша «*Lied der roten Luftflotte*» эта строка — *чужая*. Она просто не соответствует маршу *советских* авиаторов. Следовательно, она была включена в первоначальный перевод, так сказать, уже на месте, в Германии.

Проведённый нами анализ показывает, что переводчики, явно действовавшие по заказу Коминтерна, не сделали ни малейшей попытки хоть как-то адаптировать текст к иноземным реалиям. Напротив, в немецком переводе, как и в советском оригинале, речь идёт о советских же «красных» пилотах, бороздящих небо над СССР с целью защиты его границ. Именно в таком виде, очевидно, песня и была передана немецким коммунистам — с одной лишь оговоркой: вторая строка припева в первоначальном варианте звучала совсем по-другому. Нет никаких сомнений в том, что и эта строка, как и все остальные строки перевода, полностью соответствовала советскому оригиналу. Какой она была — мы не знаем. Нам известен лишь тот вариант текста, который относится к более позднему периоду — к 1930 году.

Но всё же: каким это образом в этот немецкий перевод попала совершенно чуждая ему по духу строка «*wir steigen trotz Haß und Hohn*» («мы поднимаемся вопреки ненависти и насмешкам»)? Ответ на этот вопрос мы получим, посмотрев текст уже не *коммунистического*, а *нацистского* марша.

3. Преодолевая ненависть и насмешки

Текст нацистского марша хорошо известен, он приводился и нами. Там тоже три куплета, но, в отличие от коммунистического марша, который безо всяких изменений был импортирован из СССР, нацистские куплеты были прекрасно адаптированы к тогдашним немецким реалиям:

Herbei zum Kampf, ihr Knechte der Maschinen,
nun Front gemacht der Sklavenkolonie.
Hört ihr denn nicht die Stimme des Gewissens,
den Sturm, der euch es in die Ohren schrie?

Bald rast der Aufruhr durch die grauen Straßen
Wir sind der Freiheit letztes Aufgebot.
Nicht länger sollen mehr die Bonzen praßen
Prolet: kämpf mit, für Arbeit und für Brot.

Nun nehmt das Schicksal fest in eure Hände,
es macht mit einem harten Schlag der Fron

des ganzen Judentyrannie ein Ende,
das braune Heer der deutschen Revolution!

Текст этот абсолютно никак не связан с «Авиамаршем» и представляет собой типичный текст времён революции: он преисполнен негодования и гнева, он взывает к совести и призывает к борьбе за труд, за хлеб и за свободу:

Вы, рабы машин, поднимайтесь на борьбу! Только все вместе мы сможем не дать себя поработить! Разве не слышен вам голос вашей совести, разве буря не бьёт вам в уши? Волна гнева прокатится скоро по серым улицам. Мы — это последний отряд свободы. Довольно уже позволять важным господам наслаждаться роскошной жизнью! Пролетарий, борись вместе с нами за труд и за хлеб! Возьми свою судьбу в свои собственные руки! Мы, коричневая армия немецкой революции, одним сокрушительным ударом покончим со всемирной еврейской тиранией!

Вот такие дела... Разумеется, это не подстрочный перевод, а более или менее адекватный пересказ, дающий возможность почувствовать настроение. Текст куплетов совершенно стандартный, и из него мы едва ли что можем почерпнуть.

К тексту же припева стоит присмотреться повнимательней. Как и в коммунистической «Песне красного воздушного флота», припев нацистского марша состоит из двух четверостиший, но если у коммунистов всё сводилось к простому повторению первых четырёх строк, то у нацистов оба четверостишия припева пелись по-разному. Первое четверостишие куплета нацисты пели так:

Ja, aufwärts der Sonne entgegen,
mit uns zieht die neue Zeit.
Wenn alle verzagen, die Fäuste geballt,
wir sind ja zum Letzten bereit!

(так устремимся же навстречу солнцу, с нами вместе грядёт новое время, и когда все вокруг приходят в отчаяние, мы, сжав кулаки, готовы на всё! — как видите, текст тут является вполне естественным продолжением текста припевов).

Самое интересное, однако, нас поджидает не в первом, а во втором четверостишии куплета. Вот что тут пели коммунисты (их текст слева) и нацисты (текст справа):

Drum höher und höher und höher wir steigen trotz Haß und Hohn. Ein jeder Propeller singt surrend [das Lied]: Wir schützen die Sowjetunion!	Und höher und höher und höher wir steigen trotz Haß und Verbot. Und jeder S.A.-Mann ruft mutig: Heil Hitler! Wir stürzen den Jüdischen Thron!
---	--

Любопытная получается картина... Оба текста связаны теснейшим образом, и уже одно это, с учётом несомненной идентичности текстов немецкой коммунистической «Песни красного воздушного флота» и советского «Авиамарша», позволяет нам вполне уверенно говорить, что заимствование, действительно, происходило по такой цепочке: «Авиамарш» — потом *немецкий коммунистический марш* — потом *нацистский марш*. И никак иначе!

Если кто ещё не понял, в чём тут дело, то я поясню. Представим на минутку, что это не так и что нацистский текст появился раньше текста «Авиамарша». Тогда получилось бы, что безвестные немецкие графоманы, своими ушами слышавшие от нацистов их пение, просто механически заменили нацистское «*wir stürzen*» («мы опрокинем») на «*wir schützen*» («мы охраняем»), нацистское «*und jeder S.A.-Mann ruft*» («и каждый штурмовик выкрикивает») на «*ein jeder Propeller singt*» («каждый пропеллер поёт»), и так далее, при этом с удовлетворением отметив про себя, что нацистское «*und höher und höher und höher*» и менять-то не надо, поскольку это, к счастью, и означает — «всё выше, и выше, и выше».

И вот сотворённый таким образом безвестными *немецкими* графоманами абсолютно *советский* текст в дальнейшем должен был бы попасть к Павлу Герману, который добросовестно, не отклоняясь от него

ни на шаг, перевёл бы этот немецкий текст на русский язык, получив в итоге жизнерадостный «Авиамарш»...

Не шутите. Так быть просто не могло. И именно поэтому произошло нечто совсем другое: оказавшись в Германии, наш «Авиамарш» в его идиотском, совершенно не учитывавшем немецкие реалии переводе, *оказался практически невостребованным* немецкими коммунистами (уму непостижимо, на что иное рассчитывали бойкие пропагандисты из Коминтерна!), но вот зато бодрая его мелодия пришлась по вкусу немецким нацистам, которые живенько изменили его одиозный просоветский текст, после чего этот марш прекрасно вписался в арсенал пропаганды уже нацистской.

Только так, господа. И никак иначе. И это *нацисты* слегка изменили коммунистическое «*мы охраняем*», получив своё «*мы свергнем*», и это *нацисты*, недолго думая, вместо коммунистического «*каждый пропеллер поёт*» подставили, довольно потирая руки, своё «*и каждый итурмовик выкрикивает*», и это *нацисты*, немного поразмыслив, решили оставить на месте коммунистическое «*всё выше, и выше, и выше*», но зато приспособили к этому следующую строку припева, написав так: «*Мы поднимаемся, несмотря на ненависть и насмешки*» («*wir steigen trotz Haß und Hohn*»).

Постойте! Но ведь строка «*wir steigen trotz Haß und Hohn*» — это же ведь строка не из нацистского, а из коммунистического марша! Там, правда, она ни к селу ни к городу, но ведь, тем не менее, у нацистов же стоит немного другая строка: «*Wir steigen trotz Haß und Verbot*»!

Нет. Эта строка — всё же из марша *нацистского*, потому что именно там она идеально соответствует всему остальному тексту, всему историческому фону тех лет. Словечко «*Verbot*» (то есть «запрет») не могло присутствовать в первоначальном нацистском тексте: оно выбивается из него ритмически (два слога вместо одного) и ломает последующую рифму: «*Verbot*» и «*Thron*» — это никакая не рифма, зато «*Hohn*» и «*Thron*» рифмуются идеально!

Вот как было у нацистов первоначально:

Und höher und höher und höher
wir steigen trotz Haß und Hohn.
Und jeder S.A.-Mann ruft mutig: Heil Hitler!
Wir stürzen den Judischen Thron!

(«*всё выше, и выше, и выше поднимаемся мы вопреки ненависти и насмешкам, и каждый итурмовик мужественно выкрикивает: «Хайль Гитлер!»*», — *мы опрокинем еврейский трон!*») — вот как они пели в начале 1927 года).

Так, интересно... А почему это автор так уверенно говорит о «начале 1927 года»? И с какой это стаги нацистам пришлось в голову заменить свою прекрасную рифму «*Hohn*» — «*Thron*»? И почему и когда нацистская строка попала в текст коммунистического марша?..

Но обо всём этом мы поговорим уже в следующей части нашего «документального детектива».

Валентин Антонов, август 2008 года

Два марша. 1. Кто у кого?

Два марша. 2. Песенный кругооборот

Два марша. 3. Вопреки ненависти и насмешкам

Два марша. 4. Камрады и товарищи

Авиамарш. 1. Легенды и факты

Авиамарш. 2. Год издания 1923-й (начало)

Авиамарш. 2. Год издания 1923-й (окончание)

Вокруг «Авиамарша». 1. «Aus dem Vergessen» — «Из забвения»

Вокруг «Авиамарша». 2. «Фокс-трот на известный мотив»

Вокруг «Авиамарша». 3. «Hispano-Suiza цвета бирюзы»

Вокруг «Авиамарша». 4. Список Оруэлла
